

УДК 930.1/2

В.М. Кулемзин

ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОТАНИН И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СИБИРЕВЕДЕНИЕ

Выражено сомнение в том, что в развитии Сибири и сибиреведении Г.Н. Потанину принадлежит очень большая роль. Историографическая концепция Г.Н. Потанина, которая базируется на исключительной роли Сибири и возможности перерастания сельской общины в общину-государство, является, по сути дела, идеалистической в силу её умозрительного характера. Эмпирический материал, собранный Г.Н. Потаниным, не позволяет его отнести к крупным этнографам-теоретикам, однако этот материал дал импульс дальнейшему развитию этнографии Сибири.

Ключевые слова: сибиреведение, этнография, Г.Н. Потанин.

Замечено, что сибиреведение развивается неравномерно: период слабого развития иногда сменяется развитием очень интенсивным, которое связано с деятельностью конкретных личностей. Это В.Н. Татищев, участник Второй Академической экспедиции Г. Миллер, затем идут А. Кастрен, В.В. Радлов, В.Н. Чернецов, А.П. Окладников и другие. Это моё мнение, но я рискую встать под удар критики, высказав его. В этот список фамилию Г.Н. Потанина я бы вставил с большими оговорками. Основанием для этого является то обстоятельство, что основной задачей Г.Н. Потанин ставил себе разработку общей социологической концепции, а этнографический материал для него – это сырьё для составления концепции всемирно-исторического развития. Этнографический материал, собранный им в невероятно тяжелых полевых условиях самых разных регионов Сибири, всегда имел (особенно во второй половине творческой жизни) прикладное значение. Парадоксально, но факт. Г.Н. Потанин требовал (требователен был и к себе) точной фиксации самых мелких деталей, при этом, однако, считая, что «...этнографические особенности служат лишь побочным средством для пропаганды экономических интересов» [1. С. 57]. В основе различий культур (по его терминологии, обособления) лежат экономические интересы. Здесь ещё один парадокс: ведь Г.Н. Потанин уделяет большое внимание традиции как категории этнографии, коллективной нравственности, поскольку каждого отдельного человека считает далеко не совершенным.

Научное наследие Г.Н. Потанина привлекает внимание не первое и даже не второе, а уже третье и четвертое поколение исследователей-сибиреведов и не только сибиреведов. Ещё во время активной научной и полевой деятельности Г.Н. Потанина сторонники и оппоненты говорили: «Время расставит все на свои места». Часто этой фра-

зой и мы, этнографы начала XXI в., заканчиваем своё выступление.

Второй вопрос: всё ли из потанинского наследия расставлено по своим местам? Надо признать, что кое-что ещё ждет своего места, кое-что меняется местами. Тут необходимо иметь в виду, что потанинское наследие состоит из двух частей: эмпирического материала, который, как известно, не теряет своего значения и ценности, а также из всевозможных теорий, концепций, взглядов, которые могут совершенно терять свое значение, могут обретать новое. В науке истина и заблуждение нередко соседствуют. Таким образом, многим идеям Г.Н. Потанина очень сложно дать однозначную оценку. Рассматривая три пути социального развития общества, Потанин к первому относит общества, зашедшие в тупик. Потанин для Китая не видел выхода. «Браво Потанину!» – воскликнули его сторонники каких-то двадцать лет назад. Однако Китай за этот срок превратился в супердержаву. «Браво!» – воскликнули оппоненты Потанина.

По Потанину, неконтролируемое развитие науки и техники должно привести к всеобщей деградации. Однако этого нет. По его мнению, социальный прогресс возможен только в условиях общины, но в Европе и Америке она давно разрушена. По Потанину, для восстановления нормальной социальной жизни необходимо возродить общину. В таком случае Европа и Америка – это второй вариант социальной деградации. Третий вариант – это отсталые неземледельческие народы. Они обречены на вымирание: сюда относятся и аборигены Сибири (инородцы, по терминологии Г.Н. Потанина). Здесь Г.Н. Потанин впадает в противоречие, когда, с одной стороны, утверждает, что смогут выжить лишь при условии усвоения ими европейской культуры [2. Д. 3. Л. 70]. В другом месте он говорит: «Сибирской жизни надо придать такой строй, чтобы всякое племя, какое бы малое

оно ни было, татары, буряты... имели бы шансы на культурное возрождение и самоопределение» [3. С. 287]. С другой стороны, Потанин утверждает, что земледельческий народ не может выйти из невежества, так как земледелие ведет к истощению почвы, поэтому интересы самого крестьянства требуют развития промышленности [4. С. 1143].

Г.И. Пелих, изучавшая в свое время научное наследие Г.Н. Потанина, однако, отметила, что Г.Н. Потанин нигде не говорит о городе, влиянии урбанизации [5. С. 77]. Здесь кстати напомнить, что в нашем диссертационном совете за 11 лет его существования (1999–2010) основное количество кандидатских по этнографии были защищены на тему о деформации традиционных культур Сибири под влиянием инноваций, в том числе, конечно, и урбанизации.

Когда Г.Н. Потанин говорит о своеобразии Сибири и о том, что именно она укажет путь развития другим народам, то он делает акцент на формировании этого самого сибирского народа. Межэтнические браки по праву он считает процессом прогрессивным. Здесь его рассуждения совпадают с евразийцами с той разницей, что так называемая симфоническая личность Н.С. Трубецкого должна сформироваться на гораздо большей территории, чем Сибирь.

В рассуждениях о разнице колонизации Сибири и Америки также переплетаются истина и заблуждение. Так, он считает, что отсутствие частной собственности на землю в Сибири создает предпосылки для формирования сельской, а затем областной общины [2. Д. 3. Л. 77]. По мнению Г.Н. Потанина, Сибирь сможет легко принять передовые достижения науки и техники у стран Европы и Америки [2. Д. 3. Л. 105]. Правомерно встает вопрос, зачем Сибирь станет усваивать передовые технологии, коль скоро они ведут к общей деградации? Лишь кое-где, как бы походя, Потанин говорит о том, что в Сибири контролирующим механизмом, ограничивающим науку и технику, будет служить местная интеллигенция, которая не теряет связи с народом, ибо вышла из самого народа. Рассуждения о народе-сибиряке дополняет Н.М. Ядринцев: «Сибирское население составляет как бы одну громадную массу... границей между сибирскими сословиями было меньше» [6. С. 37].

Сибирь, как это сейчас мы видим, действительно играет важную роль в мировой экономике, науке, культуре. Однако мы вынуждены признать, что это никак не подтверждает правоту Г.Н. Потанина, который делал ставку на крестьянство. К особым условиям, благодаря которым Сибирь

укажет народам новый путь развития, Потанин относил удобное географическое положение, большую территорию, природные богатства, т.е. то, что способствует развитию торговли. Все это дополняется, по мнению Потанина, тем, что «Сибирь, избегшая крепостного права, дворянства и земельной собственности, дает очень благоприятные надежды для будущего своего развития». Г.Н. Потанин то отступает от признания в качестве ведущего географического фактора, то признает его. Все-таки он склонен объяснять человеческие общества как замкнутые социально-экономические системы. В качестве примера можно привести описанную им Яицкую общину. Однако с позиций сегодняшней науки лишь сторонники Л.Н. Гумилева могут оправдать Потанина. Скорее всего, именно по этой причине Потанин обходит проблему урбанизации. Отсюда для Г.Н. Потанина социальный прогресс в целом есть эволюция общинной организации. На это уязвимое место указывали его же сторонники, в частности Н.Н. Козьмин [7. С. 110, 116]. По Потанину, историческая цель прогресса, которую достигнет Сибирь, невозможна без наличия Областной думы. Необходима также коллективная форма собственности на землю, орудия, средства производства. Все это должно способствовать формированию высокой нравственности, которой пока нет у инородцев, но в условиях общины она будет сформирована. Условия же формирования общины у сибирских инородцев имеются – это наличие промысловой артели [8]. Что касается низших форм социальной организации, здесь же говорит Потанин, то они имеются и у животных.

Г.Н. Потанин ставит вопрос о том, является ли творение культуры процессом сознательным или бессознательным. Он связывает это с возникновением религии, точнее верований. Похоже, он приемыкает в «интеллектуалистической» теории, но очень сильно упрощает её. Согласно ей, «народное чувство», восходящее ещё к далеким инстинктам, является первичным по отношению к разуму. Разум ведет к размышлениям, благодаря которым возникли различные формы верований, например тотемизм [9. С. 736]. Человек, по мнению Потанина, наблюдал за поведением животных и решил, что они одарены вещим знанием. Потанин призвал изучать народный инстинкт, связывал это с именем Ч. Дарвина. По мнению Потанина, тяга к взаимному общению, контактам – это проявление инстинкта. Последовательность и логика не всегда уловимы в трудах Потанина; это хорошо понимали его сторонники, например Н.Н. Козьмин, который довольно подробно излагает такие понятия,

как народные чувства, инстинкт и пр. «Общественная жизнь, – пишет он, – не является продуктом разума, а порождение инстинкта» [10. С. 71]. В этих рассуждениях Потанин подходит к пониманию того, что позднее И.Г. Юнг назовет архетипом. Однако у Потанина это сведено к биологическому началу.

Сейчас в науке принято основное содержание выражать так называемыми ключевыми словами. Попробую и я выразить основные идеи Потанина такими ключевыми словами: чувства, инстинкты, община, раса, народ, крестьяне, коллективизм, флора, артель, фауна, популяция, экология, инородцы, земледелие, тайжаны.

Одинаковое отношение к собственности инородца и ссыльного бродяги дает основание Г.Н. Потанину отождествить их. Образ жизни как систему связей Потанин в данном случае не рассматривает. Для чего это нужно? Вероятно, только для того, чтобы показать их одинаковую возможность войти в общину, где нет места частнособственническим стремлениям. Справедливости ради отмечу, что сам автор об этом прямо не пишет, можно лишь предполагать на основании контекста [2. Д. 2. Л. 3]. Однако хватит злословить. Г.Н. Потанин одним из первых сибиреведов применил комплексный и системный метод исследований. Он описывал быт, хозяйство инородцев в тесной связи с верованиями, одновременно обращаясь к фольклору; внимательно следил за деформацией культуры под влиянием чуждых (особенно русской) культур. От него не ускользнул пессимистический взгляд инородцев на свое будущее; взгляд, связанный с ожиданием конца света. Гораздо позже, уже в 1963 г. закончил свои исследования американский этнограф П. Уорсли [11. С. 116], который пришёл к выводу о том, что данное явление есть сибирская специфика. Это хорошо для народов, не успевших адаптироваться к новым условиям жизни, связанным с промышленным освоением, развитием техники. Для такого народа характерно безразличие к своей и чужой собственности, жизни. Таким образом, объединяющие моменты порвавшего со своим родом инородца и ссыльного бродяги можно найти.

Проблемой сведения к минимуму разрушительного воздействия человека на природу занимаются целые научные коллективы во всем мире; не будем делать упрека Г.Н. Потанину, который возлагал эту обязанность на местную интеллигенцию: тогда промышленное освоение только начиналось.

Г.Н. Потанин был бескомпромиссный противник расизма. «Арийское высокомерие вносит лишь ложную историческую перспективу», – пи-

сал Потанин [12. С. 856]. С точки зрения современной науки, Потанин верно понимал значение традиций, которые образуют систему нормативных связей, являясь регулятором различных видов отношений. Он подчеркивал, что именно традиция делает человека социально управляемым [2. Д. 5. Л. 59]. Нравственное чувство – это часть традиции, поэтому разрушение традиций есть не что иное, как падение нравственности. Правда, у Потанина они меняются местами: первичным выступает то традиция, то нравственность. Большое место в его творчестве занимают культурные контакты, которые лежат в основе прогресса. В этой части рассуждений он впервые поставил вопрос о так называемых экзогенных (т.е. пришедших извне) изменениях.

Интересны методика Г.Н. Потанина относительно исследований конкретного региона; ею он пользовался сам, теперь она применяется в общеобразовательных школах по краеведению. Суть этой методики, которую Потанин назвал концентрической окружностью, состоит в изучении жилища, затем села, затем окружающей территории и т.д. Г.Н. Потанин исходил из того, что регресс вполне возможен, и приводил массу примеров тому. Современная наука и в особенности сибиреведение к его примерам добавила ещё целый ряд; взять хотя бы нарымских селькупов Средневековья.

Все сказанное позволяет заключить, что не будь имени Потанина в науке и практике, сибиреведение выглядело бы несравненно беднее. Несмотря на утопичность, умозрительность многих его построений, деятельность Потанина стимулировала выработку новых подходов, противоположных теорий, содействовала развитию сибирской науки, сибиреведения в целом. Сейчас Сибирью занимаются не только этнографы, но и геологи, биологи, палеонтологи, лингвисты, фольклористы, причем не только отечественные, но и зарубежные. В основном они обращаются к эмпирическому материалу, который с течением времени обретает все большую ценность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потанин Г.Н. Областная тенденция в Сибири. Томск, 1907.
2. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ). Фонд Г.Н. Потанина.
3. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, её современное состояние и нужды СПб., 1908.
4. Потанин Г.Н. Где наш рынок сырья? // Неделя. 1872. № 39–40.

5. *Пелих Г.И.* Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск, 2006.
6. *Ядринцев Н.М.* Культурное и промышленное состояние Сибири. СПб., 1884.
7. *Козьмин Н.Н.* Исторический метод исследования // Двадцатилетие Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярск, 1915.
8. *Потанин Г.Н.* Колоссальная тюрьма // Неделя. 1874. 20, 27 окт. № 42.
9. *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 3–4.
10. *Козьмин Н.Н.* Областничество // Сибирские записки. 1918. № 1.
11. *Уорсли П.* Когда вострубит труба. М. 1963.
12. *Потанин Г.Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.